

Ivan Aleksandrovič Nikulin

Сибирский митрополит Игнатий (Римский-Корсаков) и его отношение к грекам

Elpis 15/27, 153-157

2013

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

СИБИРСКИЙ МИТРОПОЛИТ ИГНАТИЙ (РИМСКИЙ-КОРСАКОВ) И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К ГРЕКАМ*

METROPOLITAN IGNATIUS (RIMSKY-KORSAKOV) FROM SIBERIA AND HIS ATTITUDE TO THE GREEKS

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ НИКУЛИН

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ, РОССИЯ, NIKULINIVAN@YANDEX.RU

Słowa kluczowe: Ignacy (Rymski-Korsakow), koncepcja „konstantynopolskiego (bizantyjskiego) dziedzictwa”, Filhellenizm, stosunek do Greków

Keywords: Ignatius (Rimsky-Korsakov), the concept of „constantinople (byzantium) heritage”, respectful attitude to the Greeks, attitude to the Greeks

Кирилло-Методиевское наследие и адаптация святыми братьями византийского христианства для славянских народов сыграли огромную роль в истории Православия. Историческая память славян навсегда связала принятие христианства именно с византийцами, и Церкви-дочери не раз с пиететом взирали на своих учителей. Не менее существенным для средневековых православных государств стало и культурное влияние империи ромеев.

Большое значение во взаимоотношениях славянского мира и Византии играло так называемое Византийское содружество¹, участие в котором Руси отчасти и позволило заявить в XVII в. претензии на возрождение Византийской империи.

Со времени Ферраро-Флорентийского собора и падения Константинополя, греки и Восточные патриархаты в глазах Московской Руси утратили былое доверие. По мысли русских книжников «второй» Рим не только попал в «пленение» османами, но и утратил истинность веры. Москва в рамках идеи «третьего Рима» стала единственной хранительницей неповрежденного Православия. Поворот Русской Церкви и Московского царства от ориентации на Московскую старину к византийскому наследию, который осуществил царь Алексей Михайлович с патриархом Никоном в середине XVII в., кардинально изменил и отношение к грекам, по крайней мере, в официальной политике. Эта изменившаяся позиция и отразилась на творчестве известного церковного деятеля и книжника, преосвященного Игнатия (Римского-Корсакова).

С середины XVII в. в официальной идеологии появился новый комплекс идей, пришедший на смену концепции «Москва – Третий Рим», внешне похожий на последнюю, но имевший существенные различия.

Во-первых, в новой концепции отсутствовало упоминание какого-либо Рима, Византия и Константинополь становились идеалом Московского царства. Во-вторых, подчеркивалась чистота греческого Православия. В-третьих, московские цари как приемники византийских василевсов должны были воссоздать империю. Возникновение этой концепции произошло под влиянием самих греков².

По справедливому утверждению Н. В. Сенициной, «этот новый комплекс идей обосновывал возросшую роль России и ее столицы, русского православного царя в православном мире, утверждал значение не только «константинопольской вотчины» (в политическом аспекте), но и духовного наследия христианского Востока, значение христианских святынь, переносимых в Москву, сохранение чистоты греческого Православия»³. В историографии концепция получила название «константинопольское (или византийское) наследие»⁴.

Для Игнатия эта концепция имела большое значение, именно на ней как на фундаменте строилось и отношение преосвященного к восточным патриархатам и к грекам в целом.

Прежде всего, владыка Игнатий желал освобождения христиан Средиземноморья от «нечестиваго Моамефова раба»⁵. В своих сочинениях он не раз обращался к царской власти с восхвалениями или поучениями. В них подчеркивалось, что одна из самых главных задач царской власти – «охранение Церкви». Для митрополита Игнатия фраза «охранение Церкви» означала охранение вселенского православия, средоточием которого в его время являлись восточные патриархаты, за освобождение которых и ратовал митрополит. Поэтому красной нитью через

все сочинения Тобольского архиеерея проходила тема борьбы с Османской империей и ее вассалом Крымским ханством. Например, в «Слове перед Крымским походом» владыка Игнатий отметил, что военный поход организован «всего православия в защищение, и в сохранение святых Божиих церквей и православных христианских веры, и их пресветлых государей наших царскую честь же и славу, и всего православия благостоянного ради мира и тишины»⁶. Таким образом, главная задача «вселенского царства» – забота о вселенской православной Церкви. Под «заботой» понималась борьба с Османской империей и освобождение восточных патриархатов.

Признание чистоты греческой веры, потенциальное вхождение всех православных в единую империю, привело Игнатия к вселенскому восприятию самой Церкви как чего-то целого, неразделенного границами Поместных Церквей. Например, в исповедании, написанном под диктовку митрополита одним из лидеров сибирского старообрядчества говорится: «И приношу вину свою пред святою соборною и апостольскою Церковью и пред святейшими вселенскими православными патриархи, пред Калинником Константинопольским, пред Герасимом Александрийским, пред Афанасием Антиохийским, пред Досифеем Иерусалимским, пред Адрианом Всероссийским и пред преосвященным Игнатием, митрополитом Сибирским и Тоболским, и пред всеми архиеереи вселенныя...»⁷. В Грамоте в Пекин на освящение первой в Китае православной церкви Игнатий наказывал молить: «о Великом Господине и Государе отце нашем Всесвятейшем Кире Адриане Архиепископе Московском и всея России и всех северных стран Патриархе, о Святейших четверопрестольных Вселенских Патриарсах: Калликоне Константинопольском, Герасиме Александрийском, Афанасии Антиохийском, Досифее Иерусалимском, и о всех архиеереях греческих (выделено нами – И. Н.) и российских преосвященных митрополитех, архиепископех и епископех, купно ж и о нашем смирении, и о всем освященном соборе»⁸. В обоих приведенных случаях церковный протокол вовсе не требовал моления о восточных патриархах и уж тем более об «архиеереях греческих». Более того, поминовение восточных патриархов на Литургии являлось, как известно, привилегией только предстоятелей Церквей. Тем не менее, с точки зрения митрополита Игнатия события носили вселенский характер.

Характерно, что новый храм в Пекине должен был быть посвящен «святыя Софии Премудрости Божия»⁹. Конечно, кафедральный собор Сибирской

епархии имел такое же посвящение. Но еще до приезда в Сибирь, икона Софии Премудрости Божией стала занимать особое место в сочинениях Игнатия, написанных им в период регентства царевны Софьи. Им было написано «Сказание о Софии Премудрости Слова Божия», в котором он рассматривал икону Софии Премудрости Божией (Новгородского канона), как своеобразное пророчество о Российском царстве в конкретный исторический момент. Архимандрит трактовал икону как своеобразное отображение всего Российского царства. По его мнению, каждый элемент в иконе имел «видимое» соответствие в реальной политической жизни страны, и она являлась хранителем Московского царства, которое есть образ невидимого Царствия. Главная мысль сочинения заключается в прославлении единственного на тот момент православного государства и его властителей – хранителей правой веры и благочестия. София Премудрость Божия как покровитель и царевны Софьи Алексеевны упоминается и в «Слове воинству перед Крымским походом»¹⁰. Кроме того, нам представляется, что посвящение храма святой Софии, это явный намек на связь с Константинополем, освободить который так чаял Сибирский архиеерей¹¹. На наш взгляд, освящение церкви св. Софии в Пекине должно было подчеркнуть важность нового миссионерского начинания, его связь с центром византийского христианства.

«Вселенстии» патриархи упоминаются и в других сочинениях митрополита Игнатия, например, в связи с богослужебными реформами патриарха Никона и Большим Московским собором 1666–1667 гг. В своих сочинениях митрополит Игнатий нередко обращался к авторитету восточных иерархов, например, одним из героев повести «О Турском салтане» является Иерусалимский патриарх.

В личной библиотеке Сибирского архиеерея было две книги на греческом языке: Новый Завет и маленький «часословец греко-латинский»¹². В связи с этим необходимо поставить вопрос о знакомстве преосвященного Игнатия с греческим языком. В пользу того, что он знал его, хотя бы отчасти, может свидетельствовать то, что в двух своих сочинениях он продублировал библейские цитаты на греческом и славянском языках. Однако, скорее всего, вставки греческого текста делал другой писец под руководством Игнатия. Также в своих сочинениях Игнатий любил «шеголять» греческими словами, например, в Житии праведного Симеона Верхотурского Игнатий назвал посланного им иеромонаха «екзархом» и тут же пояснил, что «еже есть посланником»¹⁴. В рукописи

«Слова о Российском царствии» Игнатий своей рукой над словом «Златоуст» поставил знаки замены и на полях отметил: «Хрисостом»¹⁵. В том же сочинении он написал: «Яко же свидетельствует царский хрисовул, еже есть царская жалованная грамота»¹⁶ и т.д.

Вопрос о знании Игнатием греческого языка неизбежно подводит нас к вопросу о его связях с православным Востоком. Несомненно, что Тобольский архиерей, еще будучи архимандритом Московского Новоспасского монастыря, был знаком, а возможно и дружил с братьями Иоанникием и Софронием Лихудами, греческими монахами – преподавателями Славяно-греко-латинской академии. Возможно Игнатий, будучи в период 1685–1692 г. в гуще московской церковной жизни, встречался с греческими иерархами, побывавшими тогда в столице России. По крайней мере, анализ сочинений показывает, что владыка Игнатий был постоянно в курсе взаимоотношений с православным Востоком.

Истоки грекофильства преосвященного Игнатия, в первую очередь, коренились в официальной идеологии Московского царства, оказывало влияние и вращение в интеллектуальных московских кругах. Увлечение Игнатия всем греческим могло возникнуть и под влиянием идей патриарха Никона, к памяти которого он относился с большим почтением. Будучи архимандритом Новоспасского монастыря Игнатий активно боролся с католическим (западно-европейским) влиянием в России. Так, он выступал против строительства каменной немецкой (лютеранской) кирхи в Москве. Кроме того, Игнатий был активным борцом с католическим влиянием, проникавшим на Русь через Украину, в частности с «хлебопоклоннической ересью». Он выступал и против поставления епископов из малороссиян, боясь усиления пролатинских тенденций (чего, увы, в XVIII в. избежать, не удалось, и греческий язык на полвека почти исчез из духовного образования).

Однако в сочинениях митрополита Игнатия встречаются и негативные по отношению к грекам эпизоды. Показательна в этом плане описываемая им история появления в Москве Константинова Креста. В 1652 г. игумен Дамаскин предложил царю Алексею Михайловичу привезти в Москву для поклонения Крест царя Константина и главу свт. Иоанна Златоуста, хранящихся в Ватопедском монастыре, с условием обязательного возврата святынь на Афон. Царь дал такое обещание, но, как позже выяснилось, лишь на бумаге. В 1655 г. игумен Дамаскин доставил святыни в Россию, где их торжественно встретили. «Премник византийских императоров» не смог избежать

искушения оставить Крест императора Константина в Москве «лет на двадцать и меньше, на сколько лет доведетца»¹⁷. На протяжении всей второй половины XVII в. ватопедцы упорно пытались вернуть свои святыни, но безуспешно. Царское правительство лишь откупалось большими пожертвованиями в монастырь Ватопед¹⁸. В силу таких отношений с московским правительством, в челобитных, присланных в Москву из Ватопедского монастыря, отсутствовало какое-либо упоминание о «византийском (константинопольском) наследии», хотя для документов греческого происхождения этого периода именованное Алексея Михайловича (и его приемников) Новым Константином стало общим местом¹⁹.

Крест императора Константина занимал важное место в концепции «Византийского наследия», представленной в сочинениях Игнатия (Римского-Корсакова). Он подробно описал историю появления креста в России, отметив, что «Афонския горы монаси со архимандриты и игумены своими моляху пресветлаго царя, да повелит оный Животворящий Крест, егоже на время восприят из Афонския горы в Москву, паки возвратити в гору Афонскую»²⁰. При этом автор подчеркнул: «Но прошения их не угодна бяху пресветлому царю, и с великим гневом отсылахуся, ови же гневом царским за многая прошения их, и в далечайшыя обители посылахуся»²¹. Обосновывая пребывание в России Константинова Креста Игнатий пришел к выводу: «Тое оружие мира, непобедимая победа», его заключительные слова звучат как пророчество: «Глаголю же: Животворящий Крест Господень, соделанный царем Константином, впадесе им, пресветлым царем, яко быти ему у них, великих государей, во царствии Всероссийском даже до века»²². Из этих цитат очевидно, что свое отношение к грекам митрополит подчинил концепции «константинопольского наследия». Не разделявшие ее греки сразу же потеряли свой авторитет в глазах Игнатия. Их ссылка в дальние монастыри, действительно имевшая место, с его точки зрения была вполне закономерной и оправданной.

Отметим еще одну важную деталь. Игнатий признавал принятие Крещения Руси князем Владимиром от греков, хотя и на прямую об этом не писал, но отмечал, что истоки российской христианской цивилизации – это проповедь ап. Андрея Первозванного. Последний именовался у Игнатия «крестным отцом» «всероссийских чад»²³. Из этого следует, что Игнатий вынужденно признавал факт принятия христианства от греков, стремясь подчеркнуть «апостольские корни» российского Православия.

Таким образом, отношение митрополита Игнатия к грекам и греческому Православию строилось, прежде всего, на господствовавшей в официальной идеологии концепции «константинопольского (византийского) наследия». В контексте этой идеи восточные патриархи приобретали в глазах Игнатия, как и многих его современников, особый авторитет, в первую очередь, хранителей истинной веры и благочестия. Главную задачу Московского царства Игнатий видел именно в освобождении православных христиан Восточного Средиземноморья. Это борьба имела своей конечной целью не только любовь к греческой вере, но и возвеличивание Российского царства как приемника Византийской империи. Поэтому, если греки не разделяли идеи «константинопольского (византийского) наследия», то и менялось отношение Игнатия к ним. Вместе с тем он общался с многими греками, жившими или посещавшими

Москву, позиционировал себя грекофилом и знатоком греческого языка, что может свидетельствовать об определенной моде на греческий язык в высших церковных кругах в последней трети XVII в.

Концепция «константинопольского наследия» и преклонение перед всем греческим поддерживались в придворной среде до воцарения Петра I. Однако Игнатий и после и в петровскую эпоху продолжил мыслить привычными ему категориями, например, равенства «священства» и «царства», что стало одной из причин его конфликта с тобольскими воеводами, родственниками Петра Великого по матери, и, возможно, удаления на покой в 1700 г., так как Игнатий, боясь усиления пролатинской партии, выступал против рукоположения во епископы «малоросса» Стефана (Яворского)²⁴.

Сноски

* Исследование проведено при финансовой поддержке гранта для молодых ученых и аспирантов Уральского отделения РАН 2013 г.

¹ См.: Мейендорф И., прот. Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке. Paris, 1990.

² Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к православному востоку в XVI и XVII столетиях. Москва, 1885. С. 268.

³ Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). Москва, 1998. С. 307.

⁴ Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). Москва, 1998. С. 306–312; Чеснокова Н. П. Христианский Восток и Россия: политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века (по документам Российского государственного архива древних актов). Москва, 2011. С. 159–198.

⁵ Так образно именовал Игнатий Османскую империю. «Моамефом» древнерусские книжники называли пророка Мухаммеда.

⁶ «Слово благочестивому и христолюбивому воинству» // Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: Литературные панегирики. Москва, 1983. Ч. 1. С. 165.

⁷ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 3. Д. 1058. Л. 19.

⁸ Никулин И. А. Грамота в Пекин священнику Максиму Леонтиеву митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) как памятник литературы конца XVII в. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2011. Вып. 2. С. 220.

⁹ Там же.

¹⁰ «Слово благочестивому и христолюбивому воинству» // Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: Литературные панегирики. Москва, 1983. Ч. 1. С. 139.

¹¹ Например, во время прощальной беседы митрополита Антиохийского Макария с царем Алексеем Михайловичем, последний сказал: «Моллю Бога, прежде, чем умру, видеть его (т. е. Макария) в числе четырех патриархов служащим во св. Софии и нашего патриарха пятым вместе с ним» (Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2. Москва, 1991. С. 123).

¹² Послания блаженного Игнатия, митрополита Сибирского и Тобольского. Казань, 1855. С. 137.

¹³ Подробнее см.: Оглоблин Н. Н. Библиотека сибирского митрополита Игнатия, 1700 г. // Библиограф. 1892. №8–9., отд. 1. С. 286–291.

¹⁴ Житие Симеона Верхотурского. Ранняя редакция. // Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. Новосибирск, 2001. С. 220.

¹⁵ Библиотека академии наук (БАН). Собр. рукописей из библиотеки Петра I. А. 10. Л. 48 об.

¹⁶ Там же. Л. 33.

¹⁷ Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к православному востоку в XVI и XVII столетиях. Москва, 1885. С. 67.

¹⁸ Подробнее об истории с крестом Константина Великого см.: Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к православному востоку в XVI и XVII столетиях. Москва, 1885. С. 65–71; Яворская С. Л. Значение креста в иеротопическом замысле нового Иерусалима. От Константина Великого до царя Алексея Михайловича // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств: сборник статей / под ред. А. М. Лидова. Москва, 2009. С. 784–785; Чеснокова Н. П. Реликвии христианского Востока в России в середине XVII в. (по материалам Польского приказа) // Вестник церковной истории. 2007. № 2(6). С. 97–98.

¹⁹ Чеснокова Н. П. Христианский Восток и Россия: политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века (по документам Российского государственного архива древних актов). Москва, 2011. С. 171.

²⁰ БАН. Собр. рукописей из библиотеки Петра I. А. 10. Л. 31–31 об.

²¹ Там же. Л. 31 об.

²² Там же. Л. 33–33 об.

²³ «Слово благочестивому и христолюбивому воинству» // Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: Литературные панегирики. Москва, 1983. Ч. 1. С. 139.

²⁴ Подробнее об этом см.: Никулин И. А. Последние годы жизни митрополита Игнатия (Римского-Корсакова): личная драма в контексте эпохи // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2011. Вып. 1. С. 102–114.

Iwan Nikulin

Metropolita Syberyjski Ignacy (Rymski-Korsakow) i jego stosunek do Greków

Streszczenie

Metropolita Syberyjski Ignacy (Rymski-Korsakow) aktywnie uczestniczył w życiu Kościoła prawosławnego w Rosji w ostatnim ćwierćwieczu XVII wieku. Jest on jednym z ideologów carstwa Moskiewskiego. Na podstawie analizy jego opublikowanych i niepublikowanych dzieł, a także innych źródeł, możemy dokładnie prześledzić jego stosunek do Greków, greckiego prawosławia, języka i kultury. Ogólnie rzecz biorąc, biskupa Ignacego (Rymskiego-Korsakowa) można nazwać zwolennikiem filhellenizmu. Odwoływał się on do autorytetu prawosławnego Wschodu nie tylko w swoich pisemnych pracach, ale najwyraźniej znał język grecki. Filhellenizm Ignacego nie ograniczało się wyłącznie do zachwytu nad prawdziwością wiary Greków, ale było również silnym pragnieniem, aby uwolnić ich od panowania osmańskiego. Jego pogląd na Patriarchaty Wschodu i ich przedstawicieli opierał się na koncepcji „konstantynopolskiego (bizantyjskiego) dziedzictwa”, dominującej w oficjalnej ideologii carstwa Moskiewskiego w drugiej połowie XVII wieku.

Ivan Nikulin

Metropolitan Ignatius (Rimsky-Korsakov) from Siberia and his attitude to the Greeks

Summary

Siberian metropolitan Ignatius (Rimsky-Korsakov) active took part in the church's life in the last third of the XVII century and was one of the ideologists of the Moscow kingdom. His attitude to the Greeks, Greek Orthodoxy, language and culture is well discovered on an analysis of his published and unpublished writings and other works. Ignatius can be called as a philhellenist. In his works he referred to the authority of the Orthodox East and apparently he knew the Greek language. His respectful attitude to the Greeks was not simply the delight of their faith. He was also a strong desire to free them from the Ottoman rule. His views of the Eastern patriarchates and their representatives were based on the concept of "Constantinople (Byzantium) heritage". This theory prevailed in the official Moscow ideology in the second half of the XVII century.

Rozmiar artykułu: 0,6 arkusza wydawniczego